

Илья Рейдерман

Шесть стихотворений

* * *

Изо рта – вырывается крик.
Сквозь лицо – прорастает лик.
Больно! И обнажается суть.
Отшелушивается ерунда.
О, как ясно очерчен путь!
И уже не свернуть – не туда.
Если плачу – слезы утру.
И хотел бы соврать – не совру.
И хотел бы уснуть – не засну.
И не сброшу свою вину.
Разрывая живую плоть –
Лик. И велено не пищать.
Обобщай же меня, Господь –
Дальше некуда обобщать...
«Я» – сказать уже не могу.
С «Мы» – еще не могу начать
Перед всем бытием в долгу
(не расплатишься!) – помолчать...

* * *

...Как все неслышно, как все неспешно,
время не хочет казаться новей!
Этим деревьям стоять неизбежно
в зимнем размахе голых ветвей.

Мчатся куда-то автомашины,
ну а деревьям – куда им бежать?
Ждать, чтоб их снегом припорошили,
в землю вцепившись, стоять и дрожать.
Тихо деревья листья теряют,
нищенской жизни последнюю медь.
Но и во сне – о весне они знают.
Можно надеяться верить терпеть...
Ведь неизменны законы природы.
Снятся деревьям зимние сны.
Нам – в беззаконности нашей свободы –
верить в весну, дотянуть до весны?

* * *

Три голубя на проводах.
Три. Два. Ни одного.
Неуследимый крыльев взмах –
И больше ничего.
Есть только облачная высь.
И факт – исчерпан весь.
Вот кто-то – вверх. А кто-то – вниз.
Был кто-то – и исчез.
Случайный мир. Случайный миг.
Но все же – поспеши.
Ведь это только черновик.
А беловик – пиши.
Так не ищи житейских благ,
Творец, но мир твори.
...Три голубя на проводах.
Три ноты. Целых три.

* * *

На языке забытом древнем
о чем во мне шумят деревья?
Тоскуют, что не слышу их?
Но шум листвы – уловит стих.

И птицы, что во мне, как в небе,
летят, и рыбы, что плывут, –
все у меня не просят хлеба,
а просто так поют, живут.
Во мне живущая природа –
моих не ведает забот.
Без внутреннего небосвода –
не светел этот небосвод.
Но как глядеть ее глазами,
снять пелену с уставших глаз,
и, без преграды между нами,
увидеть мир как в первый раз?
И к ней, забытой, природниться,
и вновь, как в детстве, полюбить.
И знать: в тебе, быть может, птица.
И даже рыба, может быть...

* * *

То, что я жив еще – случайно.
А не случайно – то, что жил.
Я верил: жизнь – необычайна,
стихи слагал и жизнь сложил.
И никакой новейший идол
мечты моей не соблазнил.
Имен не предал, тайн не выдал,
к случайной славе не спешил.
Осталась жизни сласть и горечь,
преображенная в стихах.
А со стихами – не поспоришь,
им смерть неведома и страх.
Они, как птицы, что бесстрашно
кричат – меж небом и землей –
тем, кто внизу, кто в рукопашной
со злом всегдашним, долей злой...

* * *

И на старости лет, на старости –
еще, открывая уста, расти.
Не таи своей горечи,
не жалея своей ярости,
говори, что осталось, ты
на пределе усталости.
Ну а если правды сказать не смог, –
встанет невысказанное поперек,
и, задыхаясь, в ночную тишь,
увидав свою душу до самого дна,
что-то самое главное прохрипишь.
И запомнит сказанное тишина.

